

Ирина Владимировна Милашевская

Когнитивные признаки концепта «голова» в повести Сергея Гандлевского «Трепанация черепа»

В статье описываются когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта ГОЛОВА, выделенные при анализе языковых средств, вербализующих концепт в повести. Изучение содержания индивидуально-авторского концепта позволяет выявить самобытность сознания автора, специфику его представлений о действительности.

Ключевые слова: когнитивные признаки; объективация концепта; соматическая лексика и фразеология; концептуальная метафора; когнитивная лингвистика

Cognitive Signs of the Concept “Head” in a Story by Sergey Gandlevskiy *“Trepanation of the Skull”*

In this article we describe cognitive signs of the individual concept HEAD which were determined by the analysis of the language means verbalizing the concept in the story. Study of the content of the individual concept lets us show the originality of the author’s mind and the specificity of his ideas about the reality.

Key words: cognitive signs; objectification of a concept; somatic words and idioms; conceptual metaphor; cognitive linguistics

Выделение когнитивных признаков индивидуально-авторского концепта — сложный и неоднозначный процесс, вызывающий у исследователя большое количество затруднений. В основе этого процесса, как правило, лежит анализ авторского текста, поскольку текст является одним из средств, овнешняющих языковое сознание¹. В ходе анализа² повести Сергея Гандлевского «Трепанация черепа. История болезни» было выделено 57 контекстов, объективирующих индивидуально-авторский концепт ГОЛОВА.

«Концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки

¹ ПОПОВА, Z. D., STERNIN, I. A.: *Kognitivnaja lingvistika*. Moskva: AST: Vostok–Zapad, 2007, с. 140

² Проведенный анализ художественного текста является самостоятельным исследованием автора данной статьи.

и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта», — пишут И. А. Стернин и З. Д. Попова в статье «Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку»³. В качестве языковых средств, эксплицирующих языковое сознание автора в повести «Трепанация черепа», были рассмотрены как отдельные слова — лексемы, вербализующие концепт ГОЛОВА, так и свободные словосочетания с данными лексемами, а также фразеологизмы, которые содержат ключевое слово, номинирующее концепт, и структурные синтаксические схемы — модели построения словосочетаний и предложений в контекстах, объективирующих концепт. Анализ парадигматических и синтагматических средств объективации концепта ГОЛОВА в повести⁴ позволил выделить дифференциальные и классификационные когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта.

Когнитивный дифференциальный признак (или просто — когнитивный признак) — это отдельный признак объекта, осознанный человеком и отраженный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. Когнитивный классификационный признак — это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта. Классификационные когнитивные признаки всегда являются общими для ряда, группы или многих концептов⁵. При обобщении отдельных когнитивных признаков концепта ГОЛОВА, репрезентированных в повести, были выделены три классификационных когнитивных признака, или когнитивных классификатора, которые были сформулированы как СОСТОЯНИЕ и ВНЕШНИЙ ВИД (материально-вещественный аспект), ФУНКЦИИ (функциональный аспект).

Когнитивный классификатор СОСТОЯНИЕ представлен в структуре индивидуально-авторского концепта когнитивными признаками, среди которых актуализирован признак ‚болит‘ (8 контекстов), имеющий в произведении различные языковые средства выражения: *Когда я открывал глаза, она уже болела. А может, меня просто-напросто будила головная боль; Господи, Твоя воля! По какому такому правилу буравчика она раскалывается изо дня в день!; Аналогия с Иваном Ильичом не могла не прийти мне в болящую голову два с половиной года спустя, когда начались мои поликлинические мытарства; Голова, разумеется, болит; Здороваюсь с вахтершей, беру наш ключ с зеленой пластмассовой бляшкой, поднимаюсь на второй этаж, отпираю комнату, ставлю торт*

³ *Antologija konceptov*. Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Tom 1. Volgograd: Paradigma, 2005, c. 8–9

⁴ Подробнее об этом см. MILAŠEVSKAJA, I. V.: *Leksiko-frazeologiĉeskaja ob'jektivacija koncepta GOLOVA v povesti Sergeja Gandlevskogo «Trepanacija ĉerepa»*. Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N. I. Lobaĉevskogo. № 6. Ĉast' 2. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobaĉevskogo, 2013. S. 157–160.

⁵ POPOVA, Z. D., STERNIN, I. A.: *Kognitivnaja lingvistika*. Moskva: AST: Vostok–Zapad, 2007, c. 90

на чайный столик, сажусь в пальто за свой стол и, подперев щеки кулаками, мычу от головной боли, страха смерти и пятничных своих художеств; От этих косых волн у меня кружится голова. И **болит**; Я наклонился к полу, и голова **тяжело пульсировала**, словно я не легкий мех подымаю, а беру вес, натерев ладони тальком. Таким образом, голова как субъект действия концептуализируется в сознании автора как источник постоянных неприятных, преимущественно болевых, ощущений.

Когнитивный классификатор ВНЕШНИЙ ВИД конкретизирован в структуре концепта ГОЛОВА когнитивными признаками ‚без волос‘, ‚повреждена‘ и ‚забинтована‘. Когнитивный признак ‚без волос‘ репрезентирован в следующих контекстах: *Операционная сестра снимала бинты с моей бритой головы, протирала мне лысину чем-то крепким и прохладным и уходила за врачом; На кухне нас было четверо — отец чинил уютю, кроя на чем свет стоит советскую власть и ее изделия; брат просматривал программу телевидения; мама, в странном балахоне и в косынке, которой она покрывала совершенно лысую от химиотерапии голову, стояла у плиты; а я, присев на подоконник, курил; Потом я поднял на себя глаза — этакий чистюля в недельной рыжей с проседью щетине, ученических очках и с ваткой, прилепленной к порезу на голой голове.* Определения бритая, лысая и голая описывают внешний вид головы, акцентируя полное отсутствие волос, вызванное ее необычным, а точнее, болезненным состоянием.

Когнитивный признак ‚забинтована‘ также выражен в нескольких контекстах: *Я же поутру, в тулупе на голое тело и с забинтованной, как сейчас, головой, звонил в двери «Ритиной квартиры», ключей-то со мной не было; Средних лет ходок с понятными намерениями стоял перед ними — голова в бинтах, как у человека-невидимки; На институтской вахте вместо пропуска я показывал на свою перебинтованную репу и с достоинством проходил за оградой; Операционная сестра снимала бинты с моей бритой головы, протирала мне лысину чем-то крепким и прохладным и уходила за врачом.*

Однако не все контексты, в которых репрезентирован концепт ГОЛОВА в повести, принадлежат самому автору. Так, например, Сергей Гандлевский включает в текст своего произведения строки из народной шахтерской песни про коногона, в которых выражен когнитивный признак ‚повреждена‘: *Молодо-о-ого да конного-о-на / Несут с пробитой голово-о-ой.* Этот же когнитивный признак репрезентирован в следующем авторском контексте: *Потом я поднял на себя глаза — этакий чистюля в недельной рыжей с проседью щетине, ученических очках и с ваткой, прилепленной к порезу на голой голове.* Следует отметить, что признак ‚повреждена‘ одновременно характеризует как внешний вид головы, так и ее состояние.

Когнитивный классификатор ФУНКЦИИ конкретизирован в структуре индивидуально-авторского концепта ГОЛОВА различными когнитивными при-

знаками, среди которых актуализирован признак ‚воспринимает внешнее воздействие‘: *М-м-м-м. Хоть рулоном туалетной бумаги башку обмотай и ходи так. Чтoб знали, сволочи, как мне хреново; Брать с них откупное — тоже не годится, вроде мы назначаем, сколько стоит отоварить нас по кумполу; Бритый новобранец второй жизни, недоверчиво поглаживая бестолковку, побрел я по этажу.*

В одном из контекстов, репрезентирующих когнитивный признак ‚воспринимает внешнее воздействие‘, автор выбирает форму безличного предложения, чтобы подчеркнуть, что действие происходит независимо от желания субъекта и происходящее действие невозможно контролировать: *Голову на тонкой шее мотало туда-сюда, и мокрый от слабости лоб бодал материнскую ладонь, чувствуя обручальное кольцо...*, что позволяет максимально точно передать его физическое состояние (бессилие и беспомощность) во время болезни в детстве. «Грамматика русского языка предпочитает особую схему концептуализации события или внутреннего состояния, при которой реальный субъект действия или состояния осмысливается как объект данного действия или состояния (*мне стыдно, а не *я испытываю стыд*). Эта черта языкового менталитета называется «неагентивность», при которой субъект не контролирует состояние, а, напротив, рассматривается в качестве его пассивного объекта», — пишет Т. Б. Радбиль⁶. Это объясняет, почему С. Гандлевский выбирает безличную конструкцию *голову мотало*, в которой зависимое слово обозначает прямой объект действия, а не двусоставное предложение **голова моталась*, где существительное *голова* является субъектом действия.

Когнитивный признак ‚представляет ценность‘ репрезентирован в следующих контекстах: *«Боюсь за темперамент», — пояснил я свою просьбу и пошел курить, и все ломал себе голову — у кого я позаимствовал оборот речи? Брошенная на старости лет бабушка, потеряв голову, сделала и меня своим конфидентом.* Фразеологизм *ломать голову* имеет значение ‚усиленно, напряженно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное, сложное‘⁷ и описывает мыслительную деятельность, а фразеологизм *терять/потерять голову* означает ‚утратить способность вести себя спокойно, поступать разумно, будучи сильно взволнованным‘⁸ и выражает эмоциональное состояние человека. В основе этих оборотов лежит метафора, где голова концептуализируется как объект, обладающий ценностью, который при определенных условиях может быть утрачен или поврежден. По данным словарей, аналогичные обороты, совпадающие по структуре и по семантике, есть в других европейских

⁶ RADBIL', T. B.: *Osnovy izučenija jazykovogo mentaliteta*. Moskva: Flinta–Nauka, 2010, c. 69.

⁷ *Frazeologičeskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Sost. A. I. Fedorov. Moskva: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001, c. 332.

⁸ *Frazeologičeskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Sost. A. I. Fedorov. Moskva: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001, c. 637.

языках⁹, что подтверждает универсальность лежащей в их основе метафорической модели.

Когнитивный признак ‚содержит мысли‘ также выражен в тексте метафорическими языковыми средствами: *К тому времени, как нас стали таскать в районную прокуратуру к следователю Холодович, в головах наших выкристаллизовался гениальный апрельский тезис; Аналогия с Иваном Ильичом не могла не прийти мне в болящую голову два с половиной года спустя, когда начались мои поликлинические мытарства; Счастливая идея дать письменную клятву пришла мне в голову только на днях.* В основе авторского выражения *выкристаллизовался в головах* и фразеологического оборота *прийти в голову* лежит концептуальная метафора ГОЛОВА — ВМСТИЛИЩЕ¹⁰, а во фразеологизме *приходить/прийти в голову*, включающем глагол движения, эта метафора сочетается с метафорой ПУТИ (образная схема «исходный пункт — путь — конечный пункт», где исходный пункт может отсутствовать, а вместилище голова выступает в качестве конечного пункта).

Когнитивный признак ‚является орудием действия‘ представлен в следующих контекстах: *Надо сопротивляться — чертить по полу ногами, упираться, хвататься за мебель и дверные косяки, пускать пузыри носом, бодать правду головой в живот и кусать ее за ее нюющие руки; И я пью из случайного стакана, чтобы догнать остальных, но на старые дрожжи перегоняю разом и иду в детскую, задевая в темноте головой кольца и трапеции, и ложусь в чем был на нижнюю дочернюю кровать, и прошу Наташу Мазо посидеть со мной, а то мне одиноко, и просыпаюсь в ужасе от сознания, что все пропустил и все разошлись по домам; Последнее, что приходило мне на память, это как я сижу на полу в совершенно пустой квартире на 1-ом Новокузнецком, потягиваю из горлышка тещин подарочный «One man show», а Денис Новиков склонился надо мной и ласково, точно ребенка, уговаривает ехать с ним куда-то, а я только отрицательно кручу головой; Я стал усиленно крутить головой и прилежно всматриваться.* Словосочетание *бодать головой*, уподобляющее поведение человека поведению животного, в авторском тексте входит в состав развернутой метафоры *бодать правду головой в живот*, с помощью которой автор выражает свое отношение к чистой, или абсолютной, правде. Словосочетание *крутить головой* в тексте произведения употребляется дважды, в разных значениях: оно обозначает жест отрицания в первом из приведенных выше примеров и движение головой во втором.

Когнитивный признак ‚служит пространственным ориентиром‘ репрезентирован в следующих контекстах: *Врачи сидели за стеклянной перегородкой,*

⁹ BIRICH, A. K., MOKIŤENKO, V. M., STEPANOVA, L. I.: *Russkaja frazeologija. Istoriko-ètimologièskij slovar'.* Moskva: Astrel'-AST-Ljuks, 2005, c. 147, 150.

¹⁰ Подробнее об этом см. MĻAŠEVSKAJA, I. V.: *Konceptual'naja metafora GOLOVA — VMSTILIŠČE. Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N. I. Lobačevskogo. № 6. Čast' 1. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobačevskogo, 2011. S. 360–363.*

а я лежал на механическом топчане, который жужжал подо мной, подымался и задвигал меня **головой вперед** в какие-то подмигивающие, электронные, по моим понятиям, недра; Еще осталась позаимствованная у него привычка вставать по утрам под холодный душ, только обязательно с **головой**, а то теряется какая-то там прана; Неудача на визионерском поприще повлекла за собой мальчиковский бунт, и Горя, недолго думая, повис **вниз головой**, зацепившись ногами за жерло фабричной трубы. В основе этих примеров лежит представление о том, что положение человека в пространстве определяется по положению его головы, которая является ориентиром в вертикально (обычно) либо горизонтально (в первом из приведенных здесь контекстов) ориентированном пространстве.

Автор употребляет существительное голова при описании внешности человека (*И сразу у меня отлегло от сердца, точно я не сорокалетний испитой мужик с **сивой головой** и собственноручно испохабленной жизнью, а пришел, как тридцать лет назад приходил с мамой вот к таким же профессорам вот с такими же молоточками*), его интеллектуальных способностей (...*Спустит с утра пораньше научный огородник послезавтрашних лет с раскладушки тощие ноги в гусиной коже. Поскребет в своей **садовой голове**, раскинет мозгами*), его поведения (*Теперь и Лене покойно, и я могу пить два с половиной дня с **гордо поднятой головой***) и состояния (*От этих косых волн у меня кружится голова. И болит. И шумит в ней так, что я не могу отличить внутреннего гула от гула высокого многолюдного зала и стрекота видеокамер*). Приведенные примеры позволяют выделить когнитивный признак 'характеризует человека' в структуре анализируемого концепта.

Особенностью индивидуально-авторского концепта ГОЛОВА, объективированного в повести, является отсутствие в его структуре когнитивного признака 'осуществляет контроль', репрезентирующего когнитивный классификатор ФУНКЦИИ. Голова — вершина анатомического кода, а ВЕРХ, согласно исследованиям ученых-когнитивистов, — ЭТО КОНТРОЛЬ¹¹. Голова в произведении С. Гандлевского является в большинстве случаев пассивным объектом, на который направлено действие, и не контролирует действия других частей тела и самого человека. Поскольку концепт является многомерным ментальным образованием, следует отметить, что такое представление автора о голове ситуативно и сформировано под влиянием трудных жизненных обстоятельств, но даже ощущения человека, предельно ослабленного тяжелой болезнью, автор описывает необыкновенно поэтично: *Дома я взялся за свое — спал, читал что полегче, щурился в телевизор, гулял с собакой, но воздух **вокруг головы** тикал и щелкал, словно дураковатый весельчак, ухарь и шельма, наяривал на расписных деревянных ложках.*

¹¹ LAKOFF, Dž., DŽONSON, M.: *Metafory, kotorymi my živem*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2008, c. 37.

Литература:

- Antologija konceptov*. Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Tom 1. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 s.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STEPANOVA, L. I.: *Russkaja frazeologija. Istoriko-ètimologièeskij slovar'*. Moskva: Astrel'–AST–Ljuks, 2005. 926, [2] s.
- Frazeologièeskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. Sost. A. I. Fedorov. Moskva: OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. 720 s.
- LAKOFF, Dž., DŽONSON, M.: *Metafory, kotorymi my živem*. Moskva: Izdatel'stvo LKI, 2008. 256 s.
- MILAŠEVSKAJA, I. V.: *Konceptual'naja metafora GOLOVA – VMESTILIŠČE*. Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N. I. Lobačevskogo. № 6. Čast' 1. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobačevskogo, 2011. S. 360–363.
- MILAŠEVSKAJA, I. V.: *Leksiko-frazeologièeskaja ob"jektivacija koncepta GOLOVA v povesti Sergeja Gandlevskogo «Trepanacija čerepa»*. Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N. I. Lobačevskogo. № 6. Čast' 2. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobačevskogo, 2013. S. 157–160.
- POPOVA, Z. D., STERNIN, I. A.: *Kognitivnaja lingvistika*. Moskva: AST: Vostok–Zapad, 2007. 314 s.
- RADBIL', T. B.: *Osnovy izučeniya jazykovogo mentaliteta*. Moskva: Flinta–Nauka, 2010. 328 s.

Irina Vladimirovna Milashevskaya

Department of Teaching Russian Language as a Foreign Language,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhni Novgorod, Russian Federation
imilashevskaya@mail.ru